

ЧЕЛОВЕК — КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Московские
гастроли

Театр этот возник в Симбирске, городе с более чем трехсотлетней историей, в начале XIX века. Для всего человечества город прежде всего связан с семьей Ульяновых, с именем Ленина. Высокая гражданская и художественная ответственность — создать искусство в городе, где воздвигнут Ленинский мемориал, где находится дом, в котором провел детство Ленин, где сегодняшние школьники учатся в здании, в котором учился Володя Ульянов, а любители чтения посещают ту же, что и Володя Ульянов, библиотеку...

Создание театральной Ленинианы — творческая задача, которая, естественно, стояла и стоит перед Ульяновским драматическим театром. На его сцене шла «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая» Н. Погодина, «Между ливнями» А. Штейна, «Нет прекрасной назначенья» В. Дедюхина, «Вьюга» В. Раздольского, пьеса В. Осипова «Ульяновы», которую театр включил в репертуар московских гастролей.

Афиша столичных гастролей значительна по своим названиям, жанрово разнообразна и когда речь идет о классике, и применительно к спектаклям о современности. Досадное исключение составляет, пожалуй, лишь слабенькая комедия В. Константинова и Б. Рацера «Вечером, после работы».

Что объединяет все эти постановки? Мне кажется, прежде всего то, что театр с пристальным вниманием всматривается в Человека, всматривается в поисках того лучшего, что заложено в каждом характере, в каждой судьбе.

Если играется «Поднятая целина», то это прежде всего

история значительных характеров, трактуемых исполнителями по-своему и с высокой мерой человечности. Семен Давыдов в исполнении А. Чуйкова — человек с сильными страстями и крепкой волей. Прекрасна начальная сцена спектакля — свидание Давыдова с Лужкой (артистка К. Киреева), сцена преодоления мирских соблазнов героем, чья судьба — революция. Нагульнов — артист Ю. Заборовский играет безгрешным рыцарем революции. И монолог героя о том, как совсем скоро, в дни мировой революции, понадобится ему знание английского языка, провозгласив светлой и наивной верой в близкое счастье всех народов. Две эти судьбы подержавы в спектакле многими интересными характерами, олетены многими судьбами, которые театр рассказывает с той же серьезностью, с тем же достоинством.

Да, именно достоинство есть в творчестве Ульяновского театра, в доброй, а порой и романтически-приподнятой интонации его искусства, всегда обращенного к людям. «Долги наши» — первая пьеса молодого драматурга Э. Володарского, которую еще не видели столичные зрители. Спектакль этот — история напрасно прожитой жизни, талантов, растроченных впустую, не отданных нравственных долгов... А долги у Ивана Крутова (артист А. Чуйков) разные. Прямым укором перед ним стоит Катерина, оставленная им когда-то, друг его, потерявший на фронте ногу. Это еще и долг перед женщиной, на которой Иван как-то случайно женился (артистка К. Шадько). Перед взрослой дочерью, о рождении которой

даже не знал. Но самый главный долг бывшего крестьянина, бывшего солдата Ивана Крутова — перед землей, на которую он вовремя не вернулся, перед родным домом, в котором, забытая сыном, умерла его мать. Родная сторона, вся атмосфера жизни деревни заставляют наконец Ивана увидеть меру утраченного, меру невозвращенного...

Мы редко, к сожалению, оцениваем спектакли с точки зрения их ансамблевости. А ведь это — одно из всеприменных условий истинного искусства. И «Долги наши», и спектакль «Лошадь Пржевальского» (пьеса М. Шатрова) — пример тому, что создание значительных характеров не противоречит рождению единого ансамбля спектакля с атмосферой достоверности, с ощущением подлинности, того, о чем так заботится главный режиссер театра В. Ефремова.

«Лошадь Пржевальского» — спектакль молодой, звонкий, в нем множество, буквально множество точных и ярких характеров. Это не только центральные персонажи — Андрей — К. Юченков и Алексей — А. Дуров, но и их друзья-соратники, которым автор отвел совсем мало дела и мало места. Но на сцене эти люди сыграны умело, своеобразно (хочется даже перечислить исполнителей — Н. Холопову, Т. Фирсову, З. Самсонову, И. Андриянову, М. Янко, В. Дмитриева и других). Каждый стремительно проходящий эпизод, коротенький монолог несут и правду характеров, и правду человеческих отношений в спектакле, освещенном верой в высокие нравственные достоинства современника.

Следует труппа и еще одному неписанному закону художественного творчества. Впрочем, он был сформулирован в свое время Станиславским и Немировичем-Данченко: сегодня — Гамлет, завтра — статист, но и в качестве статиста он должен быть артистом. В Ульяновском театре «Гамлета» не играют, а слово «статист» давно ушло из нашего театрального лексикона. Но когда артист Л. Державин, сегодня играющий деда Щукаря, завтра выйдет в скромном эпизоде в спектакле «Долги наши», вольно вспоминаешь этические нормы, установленные на заре Художественного театра.

Не существует для исполнителей в жаровых барьеров. Один из ведущих актеров театра — Г. Юченков, с успехом выступавший в роли В. И. Ленина, в гастрольном репертуаре интересно играл Кучумова в комедийном спектакле «Бешеные деньги». К. Киреева — изящная и трагическая Нина в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова, лихая, стремительная Лужка в «Поднятой целине», печальная Катерина в «Долгах наших», умная, злая Лидия в «Бешеных деньгах» А. Н. Островского. Артистка К. Шадько — пронырливая Наташа в «Униженных и оскорбленных» (по Достоевскому), драматическая Тоня в постановке «Долги наши» и... прекрасная исполнительница остро-комедийной роли из водевиля «Любовь?.. Любви!..». Удивительно, с какой легкостью переходят артисты из стихии комедийной в трагедию или психологическую драму, оставаясь при этом верными правде жизни.

Характерно, что, говоря о спектаклях, прежде всего вспоминаешь исполнителей. Однако та сумма театральных приемов, которая легко угадывается в спектаклях и которая составляет как будто лишь внешние приметы художественной манеры коллектива, — отражает суть его искусства. Повторю, это приверженность реалистическому театру, психологической школе. Но ведь ульяновцы знают, что искусство — всегда процесс, всегда поиски нового. Театр мог бы смелее брать на вооружение находки смежных искусств, иных театральных манер. Стремясь полнее раскрыть чувства героев, театр иной раз смешивает истину страстей с сентиментальностью. Это произошло, скажем, во второй половине спектакля «Долги наши». Иногда режиссура оставляет мало места для размышлений героев.

Продолжать поиски следует и в области изобразительного решения спектаклей. Порой здесь трудно ощутить законмерности в изобразительных решениях, в сочетании условности и бытовых подробностей деталей. Не всегда точен художественный образ спектакля.

Хочется пожелать театру дальнейших поисков на том пути, по которому он идет. Чтобы театр еще смелее и активнее вел свою борьбу за человека, чтобы он не смягчал драматургические конфликты, противоречия в людских характерах, даже если им движет желание подчеркнуть красоту души героев. Это делает целенаправленной его доброе, ясное искусство.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.